

Вырезка из газеты

КРАСНАЯ
ЗВЕЗДА

от 11 3 АВГ 1981
Газета №

г. Москва

Рядом с книгами, заполняющими стеллажи в кабинете Бориса Петровича Чиркова, стоят две гармоники. Цветные, разрисованные, со звоночками и бубенчиками. Это подарок от саратовских зрителей-комсомольцев. Удачный подарок! Есть в нем что-то духу этого человека близкое: прелесть простоты и искренность народного умельца-мастера.

За долгую свою жизнь в искусстве Герой Социалистического Труда народный артист СССР Борис Петрович Чирков сыграл около 80 ролей в кино, а в театре — еще больше. Среди них немало главных и огромное количество эпизодических. Многие запомнились зрителям, многими артист по праву гордится. Взять хотя бы такие экранные образы, как Степан Лаутин («Учитель»), дед Тарас («Партизаны в степях Украины»), Глинка в одноименном фильме, Кузовкин («Нахлебник»), профессор Чижов («Верные друзья»), санитар Жилин («Дорогой мой человек»), потомственный рабочий Яков Серeda («Киевлянка»)... И все-таки в сердцах и умах миллионов Борис Чирков прочно ассоциируется прежде всего с одной замечательной своей работой — Максимом, парнем с Выборской стороны, воплотившим наиболее близкие, понятные, созвучные соотечественникам черты рабочего-партийца.

Прошло более четырех с половиной десятилетий (первая серия трилогии о Максиме была закончена Г. Козинцевым и Л. Траубергом в 1935 году), как этот герой начал свой триумфальный путь по экранам. Родился он в спорах и не сразу был оценен по достоинству среди кинематографистов. Но столь счастливая судьба редко кому выпадает: фильмы ведь быстро стареют, а Максим с годами ни обаяния, ни интеллекта не потерял. Веселый парень с гармошкой, рабочий дождик, готовый до смерти биться за Советскую власть, по-прежнему покориет сердца.

Кинотрилогии о Максиме, ее герою посвящено множество книг, статей, и «максимоведение» — целая большая глава в нашем киноведении. В мемуарах участников создания трилогии можно прочитать и о том, как первоначально трансформировался этот образ (от Максима — Эраста Гарина к Максиму — Чиркову), как искали для него песенку, грим, костюм и как сам он, обретая плоть и кровь, диктовал авторам принципы дальнейшего обращения с ним.

— Вначале предполагалось, — рассказывает Чирков, — что я буду играть рабочего Дему, простого парня, случайно

примкнувшего к революции и погибшего в первом же столкновении с полицией. Роль яркая, сочная, но далеко не ведущая. В образе Максима (как видели его авторы в исполнении Эраста Гарина) поначалу было больше чудачества, открытой наивности, чем мужества, смелости и искренности.

Неожиданно работа над фильмом превратилась... А потом так же неожиданно возобновилась. Но теперь режиссеры предложили попробовать свои силы в роли Максима

мог раскрыться по-новому. Но вот беда: зрители, для которых я словно отождествлялся с героем трилогии, меня не поняли и были как бы обижены, огорчены.

Да, удивителен и сложен феномен актерской удачи на экране. Чем успех значительнее, тем более чреват он для артиста необходимостью вырваться из плена полюбившегося зрителям образа. Так, Борис Бабочкин нес груз успеха

ложения — снять 4-ю серию «Максим-строитель» и 5-ю... Через четверть века зрители обращались к режиссеру с просьбой продолжить картину, в которой была бы и Великая Отечественная война, и целина, и Сибирь...

И в трудные моменты кинематографисты обращались за помощью к авторитету Максима. Режиссер Ф. Эрмлер в

шал, с песней на слова Алексея Сурнова. Фильм этот снимался во время войны, под Москвой. Нас, актеров-профессионалов, было несколько человек, роли остальных персонажей исполняли выздоравливающие воины из подмосковного госпиталя. Это создавало атмосферу подлинности, которая всех нас вдохновляла.

Из сыгранного в военные годы мне по оптимизму своему, жизнестойкости особенно близок был характер Антоши Рыбкина. Зрители старшего поколения помнят, наверно, этого веселого, удачливого и находчивого героя-воина, кинематографического брата Василия Теркина, помогавшего преодолевать тяготы и трудности борьбы против фашистских захватчиков: с песенками и шутками Антоши Рыбкина я часто выступал в госпитале и в составе фронтовых бригад.

Помню, весной сорок третьего года ехал я из Алма-Аты в Москву. На одной станции наш поезд остановился, а на соседнем пути стоял встречный воинский эшелон. Меня узнали. Командиры пришли к нам в вагон, попросили выступить перед бойцами. Я говорю: «Так сейчас ведь тронемся...». «Ничего, — отвечают, — мы начальника станции попросили задержать поезд!» Я взобрался на платформу, где стояли орудия, и с этой «сцены» выступал — рассказывал смешные истории, стихи читал, пел.

Кстати, петь я всегда любил, хоть голоса у меня нет, его заменяют желание и микрофон. Сейчас я, между прочим, пишу книгу о забытых песнях, запавших в сердце. С каждой из них связана для меня особая история...

Кроме постоянной работы в Театре имени Гоголя (сейчас готовится премьера спектакля по пьесе Анны «Птички», где Борис Петрович играет главную роль) и литературного творчества (он автор нескольких книг: «Про нас, про актеров», «...Азорские острова», «Трилогия о Максиме»), Чирков много сил отдает общественной деятельности — в Комитете по Ленинским и Государственным премиям, во Всероссийском театральном обществе, в Федерации спортивного кино. Вместе с женой — актрисой Генрикой Чирковой — он ведет курс во Всесоюзном государственном институте кинематографии.

— Моя судьба сложилась удачно, — говорит Борис Петрович. — Годы своей молодости я прожил рядом с необыкновенными людьми и художниками, семь счастливых лет были связаны с трилогией о Максиме. Частица души осталась в этой работе. Она определила многое в моей дальнейшей жизни. Научила верить в общее дело, как бы ни приходилось временами трудно...

Боевой настрой молодости он пронес через всю свою полную труда и вдохновения жизнь.

Сегодня ему исполнилось 80 лет. Его заслуги в развитии советского искусства отмечены новой наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Н. КОЛЕСНИКОВА.

«МЫ — СОЛДАТЫ ИСКУССТВА»

мне. У меня дух захватило от такого предложения... Множество вопросов возникло передо мной. Рисунком, намечавшимся Гаринцем, мало чем мог мне помочь: наши индивидуальности были слишком различными. Ему как актеру были ближе всего острокомедийный жанр, гротеск, пародия, а же по природе актер лирический, характерный.

На одной из первых же репетиций Григорий Михайлович Козинцев сказал: «Если вы хотите понять сущность рабочего человека, а без этого нет Максима, идите на завод, смотрите, ищите там родных и товарищей нашего героя. Учитесь у них быть Максимом...»

Борис Чирков был совсем молод, когда воплотил этот главный в своей жизни образ. Актер Ленинградского ТЮЗа (там он играл Тилу Уленшпигеля, и на съёмочной площадке его в шутку звали «Тилем с Выборгской стороны»), еще только искавший свое творческое лицо, он оказался вдруг на высоте, предъявившей к нему требования столь же высочайшие.

— Меня подняла эта роль. Подняла как исполнителя, — сказал Борис Петрович в нашей беседе с ним. Он вспоминал о пережитом, созданном, вспоминал с сегодняшних позиций, как мудрый человек и художник, умеющий объективно и требовательно судить о себе.

— Герой трилогии, — продолжал он, — принес мне много творческой радости. И принес ответственность: после знакомства с Максимом кинематографисты, зрители сравнивали с ним все мои последующие работы. Режиссеры приглашали на роли других, похожих на Максима героев. Я рисовал превратиться в типаж. Это меня очень тревожило. В 1941 году режиссер Леонид Луков предложил мне возможность сыграть совершенно иную острокarakterную роль — батюшку Махно в фильме «Александр Пархоменко». Я был счастлив, что

своего Чапаева, Петр Алейников — Вани Курского из «Большой жизни».

— Кстати, об Алейникове — сказал в момент беседы Чирков, — мы с ним снимались в фильме «Глинка». Он играл Пушкина. На мой взгляд, очень интересно: роль маленькая, но чувствовалась в ней живая духовная причастность к искусству. А на премьере при появлении антра на экране раздавались смешки. Петя до слез был расстроен.

Чирков постоянно работает в театре: сначала в Ленинграде — в ТЮЗе, в Красном театре, Новом ТЮЗе, затем в Москве — в Театре-студии киноактера, для становления которого в свое время сделал немало, в театрах имени Пушкина и имени Гоголя. Работу на сцене Борис Петрович считает необходимой: она позволяет накапливать творческий потенциал, который расходуется в кинематографе. От спектакля к спектаклю актер имеет возможность искать лучшие варианты, роль не застывает, а обогащается, совершенствуется. Именно этим привлекательны для Чиркова вещи классического репертуара. Более двухсот раз сыграл он на сцене Прибыткова в «Последней жертве» А. Островского и всякий раз старался делать это по-новому.

Богатство и многообразие жизни в театре помогли артисту с честью выйти из испытания славы его любимого героя. Ведь Максим на протяжении многих лет нет-нет да напоминал о себе. В рецензиях, откликах зрителей и критиков на заключительную часть трилогии — «Выборгскую сторону» (1939) звучало: «Не хотим расставаться с Максимом! Верните нам Максима!» Были даже конкретные пред-

«Великом гражданине» ввел его в решительный момент идейной схватки — как героя, которому безусловно поверят. А в первые дни войны Максим был «мобилизован» для участия в «Боевых киносборниках». Эта новая оперативная форма киноискусства быстро завоевала популярность: новеллы для сборников снимались одновременно несколькими творческими группами, их сюжеты были актуальным откликом на фронтовые события. Максим — герой гражданской войны, снова взявшийся за оружие, открывал кинозрителю.

— Профессия наша актерская — сугубо штатская, — вспоминала годы войны, говорит Борис Петрович, — с военным делом, с солдатской службой имеет мало общего. Однако мы — солдаты искусства. Сражаемся на идеологическом фронте за все то светлое, что есть в нашей советской жизни. А играть людей, в бою отстаивающих свободу, мне доводилось нередко. В «Минине и Пожарском» — крестьянского вождя, в «Кузовове» — Дениса Давыдова. В картине «Иван Никитин — русский матрос» у меня была роль Захара, хоро-